

Визуальная социология

Мемориал Синти и Рома: групповая аналитическая дискуссия

Рис. 1. Фото взято с официального городского портала Berlin.de¹

Елена Рождественская

К истории мемориала Синти и Рома в Берлине-Марцан

Мемориал жертвам синти и рома в эпоху национал-социализма расположен в Берлине на улице Симсонвег к югу от рейхстага, в непосредственной близости от других центральных мест памяти — поминовения жертв нацистских преступлений в районе Берлин-Тиргартен, Памятника погибшим евреям Европы, Мемориала гомосексуалов, преследовавшихся нацистами (его открытие намечено на конец 2014 г.). Он был разработан израильским архитектором Дани Караван² и торжественно открыт 24 октября 2012 г. в присутствии канцлера Германии Ангелы Меркель и федерального президента Йоахима Гаука. Памятник был профинансирован федеральным фондом, на него затрачено около 2,8 млн евро, и он классифицируется как памятник национального и международного значения.

Это место находится недалеко от Бранденбургских ворот, напротив здания рейхстага. Дизайн мемориала Дани Караван заключается в круглой чаше из черного гранита,

¹ Фото сделано агентством picture-alliance/dpa. URL: <http://www.berlin.de/tourismus/fotos/sehenswuerdigkeiten-fotos/2771463-1355138.gallery.html?page=1> (дата обращения: 15.11.2014).

² URL: <http://www.danikaravan.com/> (дата обращения: 15.11.2014).

закопанной в землю и наполненной водой. Вода в черном граните кажется бесконечно глубокой, хотя глубина воды всего 17 см. Символизация смерти и истребления соседствует с идеей жизни. В центре чаши Караван поместил треугольный камень — стелу, намекая на черный треугольник лагерного отличия цыган в нацистских лагерях смерти, но здесь он светлый. На камень каждый день смотритель мемориала возлагает свежий цветок. Динамическая скульптура Каравана предусматривает режим подъема и опускания стелы — для нового цветка, нового витка памяти. Непосредственно вокруг чаши уложена плитка рваных форм, некоторые ее фрагменты имеют надписи — названия концентрационных лагерей (Аушвиц, Берлин-Марцан, Пердасдефогу, Дубница-над-Вагом, Лакенбах, Укермарк, Треблинка, Заксенхаузен и др.). В некотором отдалении возведены оформляющие поляну мемориала каменные остекленные стенды с хронологией геноцида этнических групп синти и рома с высказываниями федерального канцлера Гельмута Шмидта о признании геноцидом истребления синти и рома нацистами из расистских побуждений и высказывания федерального президента Романа Херцога об уравнивании геноцида евреев и рома и синти. По краям чаши приведено стихотворение «Освенцим» на английском, немецком и цыганском, автор которого итальянский рома Сантино Спелли:

«Sunken in face / extinguished eyes / cold lips / silence / a torn heart / without breath / without words / no tears».

«Потонувшее лицо / потухшие глаза / холодные губы / молчание / разрывается сердце / без дыхания / без слов / ни слез».

Мемориал озвучен: воспроизводится записанная цыганская мелодия Mare Manuschenge.

Строительство мемориала заняло 10 лет, включая не только собственно возведение мемориала, но и историю разногласий Центрального совета немецких синти и рома и федерального правительства. Проблемой был вопрос наименования жертв, поскольку представители этого союза не соглашались с общим названием «цыгане». Другим спорным вопросом стало сравнение геноцида цыган и евреев. В итоге вход в мемориал с цитатами канцлера и президента отражают итог этой непростой публичной дискуссии. После общественного обсуждения, наконец, в июле 2008 г. приступили к строительству мемориала, завершив его в 2012 г.

Из интервью с автором мемориала Дани Караван³: «Я думаю, что выбранное место для памятника подходит не совсем. Памятники должны быть удалены от повседневности. Я сообщил о своем возмущении Сенату. Я пошел бы в совершенно другом направлении, выбрал бы другое место. Моим предложением для Мемориала погибшим евреям были желтые цветы, что-то естественное, не эти серьезные памятники. Вскоре Романи Роуз, председатель Центрального совета синти и рома, обратился ко мне и спросил, хочу ли я сделать такой мемориал. Я согласился, выбрал это место, которое, хотя и расположено в центре Берлина, но имеет символическое значение, это место тишины. Я хотел быть как можно ближе к Рейхстагу. Его посетители не могут избежать мемориала. Я выбрал круглую форму. Она должна создать ощущение равенства. Я знаю, что синти нравится сидеть кругом. К моим ранним воспоминаниям моей жизни в Марселе относятся такие традиции синти и рома: они сидели вместе кругом под большим деревом. Но муниципалитет Марселя скоро свалил мусор под деревом для того, чтобы изгнать их оттуда.

Надпись по краю чаши — не моя идея, я не хотел текста, я хотел, чтобы было место поминовения. Ряд пунктов был важен для меня. Чаша с водой должна была быть очень темной, создавая впечатление, что вода очень глубока. Но, в конечном счете, были утверждены только 17 сантиметров. Я боролся за глубину, кроме того, вода должна быть

³ Pöppel H. Dani Karavanim Gespräch über das Denkmalfür die ermordeten Sinti und Roma in Europa // Jungle World. 2012. № 22. 31 Mai. URL: <http://jungle-world.com/artikel/2012/22/45564.html> (дата обращения: 15.11.2014).

подогреваемой, чтобы не замерзнуть зимой. Я предложил разместить в центре чаши камень в форме треугольника, что напоминает лагерные знаки. На камне должна лежать роза, так что я возвращаюсь назад к природе. Один раз в день камень исчезает в воде и возникает со свежей розой вновь, как в церковном молебне. На заднем плане слышится звук, не мелодия, только звук, напоминающий звук расстроенной скрипки и адаптированный для окружения. Такая примерно была идея. Но был ряд проблем, например, место не было пространственно завершено. Мы решили посадить кусты. Хотели перенести автобусную остановку, но пришлось сделать другой вход. Синти и рома не хотели быть названы цыганами. После семи или восьми лет было решено включить хронологию геноцида в надписи. Представители Министерства культуры пришли с предложением процитировать Херцога и Шмидта. Я хотел предложить израильского поэта, но, в конечном счете, было выбрано стихотворение «Освенцим» рома-поэта Сантино Спинелли. ... Это было худшее время в моей жизни. Я никогда не работал в таких плохих, на самом деле, невозможных условиях. Возможность контроля у меня отняли. Для меня этот памятник представляет личную борьбу с учреждениями и невежеством. Я борюсь за права человека, будь то в Нюрнберге в память о жертвах или в Израиле по правам палестинцев. Мои друзья в Германии на моей стороне сегодня, как Вим Вендерс. Он лично отправился в Министерство культуры и объяснил важность проекта. Он сказал, что это был *не просто памятник, но стихотворение*. Я полагаю, что проект по синти и рома — это очень серьезно, это один из самых важных проектов в моей жизни».

A propos

Автор мемориала Дани Караван предложил ясный язык форм — круг и треугольник, камень и вода, деревья и лужайка, которые участвуют в сменяющемся цикле времен года, истории и повторяющихся дней памяти. Цыганское сердце приобретает в этом коммеморате условную треугольную форму, оживляемую цветом. Как мы узнали из интервью, автор хотел избежать текстов, даже от мелодии оставить лишь звуки. Компромиссное решение заключалось в прояснении смысловых акцентов: мелодия приобрела этнически узнаваемые тона, кольцевая надпись по краю чаши принадлежит перу поэта той же этничности, на стеклянно-каменных стендах появились тексты с хронологией травматичного события и однозначными оценками представителей власти о статусе травмы, приравненной к Холокосту.

Если посмотреть на мемориал сверху, со взгляда, не доступного стоящему рядом человеку, то чаша будет напоминать черное солнце с растрескавшейся вокруг аурой. Если отдельные фрагменты этой ауры поименованы и несут названия концлагерей, то в конструкте основной части мемориала — чаши, также есть текстуальность, связующая накопленную центробежную плотность концлагерной темы и провал в темную воду, заполняющую чашу. Текст окольцовывающего стихотворения — о невыразимом, о молчании, о разорванном сердце, о травме. В преодолении травмы автор предлагает весьма лаконичный жест в виде живого цветка, возложенного на символическое сердце, которое выныривает из глубины и темноты уже светлым, не черным треугольником.

В отношении геноцида цыган не придумано соответствующего термина, как в отношении Шоа, столь ярко характеризующего масштаб исторической трагедии евреев. Но также справедлива трактовка травмы, сопротивляющейся попыткам ее презентировать. Рут Лейс (Leys, 2000) зафиксировала важный сдвиг в статусе Холокоста как универсальной травмы: если ранее Холокост полагали событием опыта, по масштабу принципиально не визуализируемым, то сегодня — это понятие травмы, которое широко и довольно парадоксально работает как троп сложных значений и потерь, с одной стороны, и как «знак нашего времени» (Kansteiner, 2004, p. 194), с другой. Оно содержит внутреннее противоречие, на которое указывают многие исследователи, например, Сабина Силке, Карин Балл, Мария Цетинник. Это противоречие заложено, с одной стороны,

идеей, пришедшей из психоанализа о невыразимости травмы (Т. Адорно, Ж.-Ф. Лиотар, Ш. Фельман, Д. Лауб, К. Карут и др.), а, с другой, — мнением о глобализации и медиатизации травмы (В. Канштайнер, Э. Каплан, Дж. Александер, А. Хьюссен). Можно говорить о глобализации дискурса о Холокосте, ее распространении на другие этнические геноциды. Таким образом, в транснациональном движении дискурсов памяти Холокост утратил свое качество как индекс конкретного исторического события и функционирует в качестве метафоры для других травматических историй и воспоминаний (Huysse, 2000, p. 24). Оценивая с этих позиций мемориал синти и рома в Берлине-Марцан, можно увидеть ясную позицию автора, Дени Караван, который избегает прямой визуализации геноцида, его документальных свидетельств, образов. Его выбор — в пользу невыразимости травмы, перформанса скорби языком природы и простых форм.

Литература

- Cetinic M. Sympathetic Conditions: Toward a New Ontology of Trauma // *Discourse*. 2010. № 3 (32). P. 285–301.
- Kansteiner W. Genealogy of a Category Mistake: A Critical Intellectual History of the Cultural Trauma Metaphor // *Rethinking History*. 2004. № 8 (2). P. 193–221.
- Leys R. *Trauma: A Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Huysse A. Of Mice and Mimesis: Reading Spiegelman with Adorno // *New German Critique*. 2000. № 81. P. 65–82.

Ирина Тартаковская

Сложно составить собственное впечатление о памятнике, который знаешь только по фотографии, особенно — о таком памятнике, вписанном в пейзаж, для которого очень много значат место, локальный контекст, детали... На снимке чаша кажется не чашей, а плоским черным диском, типа виниловой пластинки, и это дезориентирует. Вообще, многие современные памятники такого рода рассчитаны на определенное эмоциональное впечатление, основанное на соприсутствии, и оно не очень хорошо передается на расстоянии. Наверное, если увидеть розу, свое отражение в черной воде, услышать звук — какое-то сопереживание возникло бы, а на фотоизображении он, скорее, кажется объектом современного искусства или аттракционом.

Любопытна история дебатов и конфликтов вокруг сознания памятника, поскольку она показывает, какие разные задачи ставят перед собой создатели и со-участники мест памяти... Здесь мы видим пересечение воли художника, который хотел все же создать в первую очередь выразительный арт-объект, и, как ясно из выдержек из интервью, склонен был сделать его еще более минималистским и герметичным — но это не устраивало ни администрацию, ни представителей народов синти и рома. Видим позицию организации, представляющей интересы этих народов, которой критически важно было сохранить свое позиционирование как представителей двух разных этнических групп, причем это позиционирование, скорее всего, будет только ставить в тупик непосвященных посетителей памятника, большинство из которых наверняка впервые узнают что-то об этнических различиях между цыганами (и услышат название «синти»). И это показывает, помимо прочего, что несмотря на желание увековечить жертв геноцида цыган, они продолжают оставаться для окружающих народов очень дистанцированной, непрозрачной группой, о жизни которой очень мало что известно, за вычетом набора стандартных стереотипов. Видим позицию культурной администрации, которая пыталась придать

памятнику хоть сколько-нибудь конвенциональный, «прочитываемый» вид, адаптировать его для восприятия и понимания будущих посетителей.

Конфликт кажется важным и характерным, чтобы не сказать — парадигматическим. В настоящее время мы наблюдаем определенный кризис культурной коммуникации, когда современные художники, в данном случае принимающие на себя функции скульптора-монументалиста, ищут выразительных форм, которые бы избегали печати «салонности» и стереотипного, искусственного пафоса. Но те решения, которые они в итоге находят, часто кажутся непонятными их потенциальной аудитории, которая не умеет и не привыкла воспринимать средства contemporary art. Выход из ситуации как раз может состоять в эмоциональном, а не семантическом прочтении языка места памяти — но это такой неосязаемый, ситуативный эффект, который очень трудно прогнозируем.

Елизавета Полухина

Первые ассоциации, когда смотришь на изображение — пустота, тишина, спокойствие, размеренность, умиротворение и сильное ощущение, что ты не поняла чего-то очень важного. Будучи несколько раз в Берлине, проходя мимо Рейхстага и Бранденбургских ворот, это место оказалось вне моих туристических маршрутов. Символизм места не очевиден для зрителя фото.

И вот ты узнаешь, что это Мемориал Синти и Рома — двум цыганским группам, пострадавшим от геноцида. «Жертвам», «меньшинствам» — как называет их Ангела Меркель во время торжественного открытия мемориала. И сразу создается ощущение, что это мемориал иным цыганам, отличным от традиционных представлений этой национальной группы — с бубнами, гитарами, песнями и в постоянном перемещении, свободном кочевании тела и духа. В этом мемориале мы не обнаруживаем традиционных цыганских символов. Здесь цыгане (или скорее скорбь по ним) показаны так, как я о них не думала ранее — задумчивые, сдержанные, немногословные.

Вспомним цыганский флаг: в центре располагается красное круглое колесо на фоне двух горизонтальных полос, символизирующих траву (зеленая полоса) и небо (синяя полоса). Круг — форма, символизирующая с одной стороны, время в вечности, бесконечную память, и возможно, с другой стороны, повторяемость, «колесность» цыганской жизни и дух равенства (традиции сидеть вместе кругом под большим деревом).

Треугольник, помещенный в центр мемориала, предстает как символ жизни, некий уцелевший оплот, начало начал, источник живого. Можно предположить, что чаша с водой — это не только символ слез и скорби, но и воды, дающей силы для роста цветка, помещенного в центр. И заметим, что камни сгущены к центру и отчасти осколочным принципом разбросаны вокруг, что напоминают образ вулкана. И чем дальше «отброшен» каменный слиток, тем более ершистой, плотной травой он обрамлен.

Виктория Семенова

Визуальный анализ памятного места предполагает рассмотрение его в контексте городского пространства, в единстве с той средой, которая его окаймляет и в которую он вписывается как отдельное «повествование в камне». Это отмечали и предыдущие замечания моих коллег. Вместе с тем, при анализе фотографии важны два контекста — знакомое и видимое. Да, памятник находится в центре города, недалеко от рейхстага, в непосредственной близости от памятника евреям-жертвам Холокоста — это из известного. Но, вместе с тем, из «видимого» возникает ощущение одиночества и замкнутости,

закрытости места. Это ощущение рождается от замкнутого круга деревьев и кустов, продолжается темным кругом водоема, напоминающего скорее черный омут, в котором молчаливо канули в вечность тысячи безымянных жертв, и завершается теми немногочисленными фигурами посетителей, которые пришли отдать дань памяти жертвам этнического уничтожения — народностям синти и рома. На всех фотографиях, посвященных этому памятнику, которые мне удалось увидеть, число посетителей минимально — это одинокие фигуры, сиротливо отражающиеся в темных водах водоема. Недаром в прессе появилось расхожее название «забытый Холокост». Несмотря на появление этого места поминовения, для широкой публики уничтожение цыган в годы фашистского террора осталось неизвестным и не до конца проговоренным. К тому же, памятник появился только два года назад, когда большинство оставшихся в живых свидетелей тех событий уже ушли из жизни и не в состоянии отдать дань памяти своим близким. Лаконичность талантливого исполнения данного комплекса Дани Караваном только подчеркивает эту непроговоренность прошлой трагедии.

Еще одно замечание, касающееся архитектуры памятника. Это уже, скорее, замечание русского зрителя. Интересное отличие формата мест поминовения жертвам в европейской культуре и в российской состоит в том, что у нас это, прежде всего, — вертикаль, обращенная вверх, своеобразный символ доминирования или «направленного» прочтения памятника, исходя из позиции живущих. Для европейской культуры, особенно современной культуры меморизации свойственна скорее горизонталь, выравнивание позиции зрителя с объектом меморизации, которое можно проинтерпретировать как «ты мог бы быть на его месте». Такой принцип построения памятного места прочитывается, например, в мемориале памяти убитых евреев Европы в Берлине.